

● ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

Загс в самолете

ПАВЕЛ КРАШЕНИННИКОВ рассказал журналистам, что браки скоро можно будет заключать даже на небесах.

Председатель Комитета Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству встретился с представителями четвертой власти в пресс-центре городской администрации. Был весел, энергичен, сыпал афоризмами. Свой комитет назвал «лидером в производстве», потому как законов было действительно разработано много. Никакой его скрытой печали по поводу расставания с Магниткой журналисты не углядели — он баллотируется в Госдуму по Башкирии. Но как заверил Павел Владимирович, прощаться с Магнитогорском не собирается. Во-первых, в городе «заложники»: мама и брат. Во-вторых, здесь его проект — «именная» библиотека. В-третьих, всем ревнивым болельщикам заявил, что его любимой хоккейной командой по-прежнему остается «Металлург», а вовсе не «Салават Юлаев», и переходить туда он не собирается.

Расставив все точки над i, поговорили о делах насущных. На просьбу прокомментировать недавнее повышение цен на продукты с точки зрения Госдумы, председатель комитета сказал, что сделает это лишь от своего имени — «доверенности выступать за всех мне не дали». По его мнению, главную причину повышения выделить невозможно. Рост обусловлен совокупностью причин: вхождением России в мировой рынок, нарушением антимонопольного законодательства, ростом пенсий и зарплат у бюджетников... Каков выход? Понятно, что на все продукты заморозить цены невозможно, но на местном уровне есть смысл договариваться о снижении наценок на социально важные продукты питания, как это и делают в Магнитке.

Рассказал председатель комитета о новых законопроектах в различных сферах. В Гражданско-процессуальном кодексе будет прописана специальная процедура отобрания ребенка — не лишение родительских прав, а, скорее всего, «скорая помощь», когда жизни и здоровью ребенка угрожает опасность. Ситуации могут быть различные — к примеру, родители-сектанты не соглашаются на операцию, которая спасет их ребенку жизнь.

Внесен законопроект о так называемом выморочном жилье — оставшемся после смерти собственника, на которое никто не заявляет претензий по праву наследования или завещанию. Раньше такие «ничейные» квартиры отходили в федеральную собственность. А на деле никто их не забирал — подталкивая тем самым муниципалитет к незаконному использованию. Законопроект, внесенный депутатами Павлом Крашенинниковым и Владимиром Груздевым, предусматривает наследование выморочного имущества муниципальными образованияами. Крашенинников уже обсудил этот вопрос с мэром города Евгением Карповым — для «очередников» такие квартиры станут хорошим подспорьем.

Однако эти серьезные темы не вызвали столь бурных эмоций, как сообщение о том, что браки скоро можно будет заключать на небесах — если, конечно, пригласить сотрудника загса в самолет.

— Теперь процедура регистрации будет упрощена, — заявил Павел Крашенинников. — Конечно, не так как в Лас-Вегасе — пришел и расписался. Речь о том, что браки можно будет заключать не только в стенах загса, но в любом другом месте.

Сейчас регистрация напоминает конвейер — одни пришли, другие ушли... По мнению Крашенинникова, с принятием нового закона вступающих в брак не станет больше, но от процедуры они получат больше удовольствия, да и нагрузка на загсы уменьшится.

Конечно, зашла речь и о выборах. От нового состава Государственной Думы Крашенинников ждет серьезной профессиональной работы. Хотя и нынешний состав считает достаточно работоспособным.

ЕВГЕНИЯ ШЕВЧЕНКО.

Поколение семидесятилетних прошло вместе со страной трудный путь не для того, чтобы остаться безучастным наблюдателем

КТО РУКОВОДИТ ГОНДУРАСОМ?

— МНЕ НЕСКОЛЬКО РАЗ предлагали рекомендацию в партию, — вспоминает Владимир Михайлович. — Я отказывался: не простил им отца.

— Тебя бы и не приняли, — уточняет Феликс Ханонович. — С твоей-то анкетой... В первичке бы рекомендовали, а выше — отклонили. Разве что со второго-третьего захода.

Они всегда пикируются. А дружны лет сорок с гаком. Дружили книгами, потом семьями, машинами, садами. Теперь — пенсионерскими заботами. Похоже, не случайно и в день нашего знакомства с Владимиром Володченко в его квартире в панельной многоэтажке оказался Феликс Зингер. Ему и о себе есть что порассказать, но не хочет он ворошить прошлое и открывается, лишь чтобы поддержать товарища. В их паре он больший спорщик и скептик, так что лучшего дополнения к Владимиру Михайловичу — деятельному человеку с судьбой — не найти. А пришли мы с фотокором Андреем Серебряковым к Владимиру Михайловичу именно за этим — соприкоснуться с активной жизненной позицией.

Почетный донор, председатель огородного совета, ответственный за подписку, член цехкома, помощник партсекретаря. И это — помимо горячего стажа «на молоте». «Кто везет, того и погоняют», — комментирует «железный» Феликс послужной список друга. Они и познакомились в середине шестидесятых на почве читательских интересов: Зингер работал электромонтером и руководил общественным книжным магазином, а Володченко, в ту пору кузнец механоремонтного комплекса комбината, был ответственным за подписку на техническую и идеологическую литературу. За результативность их поощряли подпиской на приложения к «Огоньку», где значилась военная, приключенческая и историческая литература, биографии пламенных революционеров и книги из серии «Жизнь замечательных людей». «Такого в энциклопедии было не найти», — подчеркивают друзья. Они и сегодня книгочеи: на стеллажах у Владимира Михайловича красуются современные справочники в хорошем оформлении. А вы, читатели нынешней поры, отбывающиеся от избытка информации, готовы проявить такую увлеченность в поиске новых знаний, с усилиями добываемых в застойную эпоху? Или вот еще: знаете разницу между университетом марксизма-ленинизма и школой коммунистического труда? Владимир Михайлович знает: предпочел окончить университет при горьком партии, чтобы не изучать историю КПСС в школе при производстве. Удалось даже отвертеться от предложений преподавать в ней после окончания университета марксизма-ленинизма.

— От тебя отстали потому, что тебе уже было за тридцать, — улыбается приятель. — Была такая партийная установка: охватывать идеологией молодых. Да, друзья оценивают прошлое без розовых очков. Не забывает

ФОТО АНДРЕЯ СЕРЕБРЯКОВА

Владимир Володченко свое армейское везение: в первые месяцы службы, совпавшие с кампанией подъема целины, оказался в Брединском районе на страде, тогда как их батальон усмирлял венгерское восстание. Кто погиб, кто руки кровью запачкал, но его — миновало. Помнят друзья, как при редкой удаче — поездке в соцстрану — проходили жесткое собеседование, и попробуй забудь, кто руководит каким-нибудь Гондурасом. Владимир Михайлович перед единственной заграничной поездкой — в Венгрию — штудировал с женой энциклопедию и справочники. А после удивлялись собственному восприятию: до Будапешта замечали в Москве полные полки, а после возвращения — большие очереди.

Но и тогдашнюю доступность отдыха и курортного лечения друзья тоже не забыли: семь рублей двадцать копеек стоила двенадцатидневная путевка на Банное, транзит через Челябинск до Турояка в плацкарте — семь рублей, девять — в купе, двенадцать — на «кукурузнике». И потенциал государственного планирования цен себя еще не исчерпал. Зато возрождения прежней однопартийной системы старые товарищи не хотели бы, даже если на выборах победит партия, которой они симпатизируют.

Они не хотят ничего вычеркивать из прошлого: сами частично ему принадлежат. Это и есть главная трудность в оценке ушедшего: попробуй соблности объективность, когда всеобщая история переплетена с собственной биографией. Отца Владимира Володченко потерял на первом году жизни в тридцать седьмом. Могло сыграть зловещую роль происхождение Михаила Володченко: он родом с территории, приграничной с вражеской тогда Бессарабией, — и на Урале-то оказался, бежав от призыва в ее армию. Мать, которой семейного счастья выпало от силы года два, еще почти четверть века ждала арестованного мужа. Гадалки обнадеживали: жив. С родителями мужа они с сыном познакоми-

лись уже после войны, когда Володе минуло десять. Мать могла облегчить себе жизнь, передав сына на воспитание мужниной родне: уговаривали они, да не уговорили.

В хрущевскую оттепель Владимир рисковал начать поиски отца через кагэбэшника, агитовавшего у них на производстве против вражеских «радиоголосов». Ответ на запрос был: отец умер через пять лет после ареста от воспаления легких. В чем его обвиняли, так и осталось невыясненным. Зато в перестройку возникли новые вопросы: оказалось, отца расстреляли уже через два месяца после ареста. Где правда, для чего пугали следы в пятидесятые? Ответов нет, но были отец и его близкие, напрасно ждавшие уже погибшего, и своих сына с дочерью во втором браке Владимир Михайлович назвал именами отца и бабушки: Михаилом и Марией.

Как не помнить отца, когда сын за него ответчик? В юности Владимир Михайлович, тогда челябинец, сумел устроиться на завод дорожных машин имени Дмитрия Колущенко только благодаря тому, что и мать носила эту фамилию — знаменитый революционер, погибший в гражданскую, приходился ей дядей, и не исключено, что это родство спасло ее от ареста. У Феликса Зингера тоже по обе родительские линии — семейные саги со ссылкой на «пятьдесят восьмую». Но друзья не готовы однозначно отнести сталинскую эпоху к мракобесию.

— Вернуть бы стране международный престиж той эпохи, — рассуждают они.

Они признают, что их поколение противоречит само себе: одно думает, другое делает, третье говорит — но тут даже заблуждения искренни. «Мы жили с мыслью: сегодня перетерпишь — завтра будет легче. Получилось, часть жизни прожита трудно, как начерно», — начинает Владимир Михайлович. «А она одна, хочется сразу набело», — продолжает друг.

В их жизни нет однозначных

ответов. Владимир Михайлович трижды женат. Первый брак распался, но отец сумел сохранить отношения с сыном, а теперь и с внуком несмотря на новый брак и переезд из Челябинска в Магнитку. Вторая жена, с которой делили семейное счастье в крохотной комнатке с двумя погодками, радовались новой квартире, спорили о месте для библиотеки, занявшей целую стену, поднимали сад и растили детей, скончалась двенадцать лет назад от тяжелой болезни. Третья жена, с которой Владимир Михайлович сроднился за десять последних лет, ушла из жизни в прошлом году. «Быть вдвоем навсегда не удается, — размышляет Владимир Михайлович. — А одному тяжело».

Он переживает и за детей: сын и дочь получили образование, освоили по несколько профессий, не потерялись в жизни, воспитали детей, но браки не сложились — оба разведены. Как многие в их поколении.

— Это результат семидесятилетнего безверия, — толкует «железный» Феликс. — И строительством храмов ничего не изменишь. Я сам крещеный и уважаю веру. Но воспитан на атеизме, а придерживаешься надо одного берега, нельзя разом все взгляды пересматривать. Уйдет наше поколение запутавшихся, уйдут сегодняшние, опустошенные, а на внуков можно надеяться: этих вера спасет.

— А мне храмы не нужны, — отзывается друг.

Мы молчим. Все без слов ясно. Храмы у поколений разные, а вера, хочется надеяться, общая: семья, труд, память об отцах. Владимир Володченко и Феликс Зингер не из тех, кто на кухне посетуют на несовпадение пенсий рядовых тружеников и народных избранников или на провал идеи монетизации льгот, а на людях отмолчатся. Они задолго до выборов знают, за кого и почему будут голосовать.

Дай нам бог вместе с ними в день выборов держать одно на языке, в уме и поступках.

АЛЛА КАНЬШИНА.